

4. Руднев В. Словарь культуры XX века / В.Руднев.Москва: Аграф. 1997.

5. Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература: учебное пособие / И.С.Скоропанова. Москва: Флинта,2002.

6. Суворов Н. Н. Элитарное и массовое сознание в художественной культуре постмодернизма: диссертация доктора философских наук / Н.Н.Суворов Санкт-Петербург, 2005.

7. Летен Х. Сулеймен С. [Электронный ресурс] Режим доступа: [www.http://ru.wikipedia.org](http://ru.wikipedia.org).

А.Б.Костерина, Н.А.Фатеева

ДАР В ПРОЕКЦИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Понятие Дара принадлежит к тем явлениям культуры, которые по сей день остаются наиболее загадочными, таинственными и непонятыми. Феномен Дара обрел свои очертания в культурах Древнего мира. Он означал нечто сакральное и понимался как знак, посланный свыше. Его принадлежность к сакральному была задана, и эта прочная связь не только характеризовала его сущность, но и определяла место данного феномена в контексте каждого исторического периода.

Обращение к данному феномену не случайно состоялось в конце XIX–начале XX столетия в мистичной и таинственной культуре Серебряного века. Русские мыслители Серебряного века прекрасно понимали, что понятие Дара является одним из аспектов понимания России и русского человека. Этот феномен органично связан с такими фундаментальными концептами как Путь, Предназначение, Промысел, Судьба. Не удивительно, что русские философы искали его осмысление не в сфере конкретного, земного, материального, но в сфере сакрального, незавершенного, целостного.

В период Серебряного века явственно обнаруживаются две взаимосвязанные, но различные области бытия русского человека: религиозное возрождение России (через русскую философию) и культурный ренессанс (через искусство). Мучительные поиски смысла творчества, самобытного пути русской культуры, отмеченной уникальными дарами, одни видели в равноправном синтезе мировых религиозных и культурных систем, в выходе за пределы нацио-

нально-культурной экумены, Другие же искали ответ в недрах христианства, вобравшего в себя весь остальной духовный мир.

Осмысление Дара в русской философии П. Чаадаева, Н. Гоголя, Н. Бердяева, Л. Шестова, В. Соловьева, Б. Вышеславцева, И. Ильина соотносится с пониманием Духовного Пути России. Если Бог ниспослал России соответствующий Путь, то Он не мог не позаботиться о Дарах, благодаря которым можно исполнить Его Предназначение. Национальный дар - есть совершенно особый дар, данный Богом целому народу. Ни один народ, как бы мал он ни был, не проходит бесследно в мировой истории. Каждый делает в нее свой особый вклад развитием особого дара. Развитие своего Дара и своей индивидуальности как отдельным человеком, так и целым народом не только оправдывается христианством, но и является христианским долгом, за неисполнение которого грозит наказание – Суд.

«Бог дает Дары своего Святого Духа - всем народам, но мерою различною и особливою, – пишет русский философ И. Ильин. – Почему, кому и сколько – не разумеем. Но исповедуем, что нет народа обделенного и отвергнутого, хотя есть народы не соблюдающие, растратившие и зарывшие талант свой в землю» [5, с. 391].

Размышляя о сущности русского Дара, отечественные философы рассматривали многогранность его проявления. В качестве первого фактора, определяющего русскую судьбу, причем фактора не «внешнего, а внутреннего, духовного» (Бердяев), называли пространство России.

«Всякий народ несет в самом себе то особое начало, которое направляет его Путь на протяжении веков и определяет его место среди человечества. Это образующее начало у нас – элемент географический», – писал Чаадаев [9, с. 187]. Философ И. Ильин тоже считал, что дар, полученный нами от нашей природы – от пространства, от климата, от равнины, от отсутствия близкого моря, от рек, от погоды, от почвы и от растительности и от далекого рассеяния по пространствам – способствовал формированию национального характера. «Мы сами не знаем, – считает философ, – когда и как мы вжились в нашу природу и вжили ее в себя. Но получили мы от нее много: и страстность, и созерцательность, и неуравновешенность, и свободолюбие, и склонность к лени, и братскую спайку» [5, с. 393].

Бескрайние пространства России оказывали противоречивое и антиномичное воздействие на русскую душу. С одной стороны, от безграничности и

безмерности пространств России – широта и необъятность русской души. «Русская душа ушиблена ширью» (Н.Бердяев). С другой стороны, бескрайние просторы России породили болезнь «бесформия», которая в полной мере проявилась в русской культуре. По Бердяеву, «оформление своей души и оформление своего творчества затруднено было для русского человека...Формы русского государства делали русского человека бесформенным» [1, с.65-66].

Обозревая «пейзаж русской души», Бердяев отмечает точное соответствие его особенностям природного космоса России: «та же безграничность, бесформенность, устремленность в бесконечность, широта. На Западе тесно, все ограничено, все оформлено и распределено по категориям, все благоприятствует образованию и развитию цивилизации - и строение земли, и строение души. Можно было бы сказать, что русский народ пал жертвой своей земли, своей природной стихийности. Ему нелегко давалось оформление, дар формы у русских людей невелик» [1, с.22]. Пространство России, по Бердяеву, было «не внешней, а внутренней судьбой русского народа», вызвав болезнь бесформия. Безмерность для русского человека есть живая конкретная реальность, она и дана ему как незавершенность, бесформенность. Это есть центробежная рассеивающая сила русского пространства, которая порождает противоположную силу – центростремительную, собирающую, объединяющую, целостную. Это как два полюса единой антиномии. Так и в понимании художественного Дара – его неоформленность, безусловно, ощущали в себе все творческие люди, но в России это ощущение было особенным. С одной стороны, это ощущение отсутствия очерченности, границ и граней, точек и завершенностей нередко увлекали в творчестве в бесконечную устремленность за идеалом. С другой – было созвучно ощущениям русских художников, для которых процесс был важнее результата.

Дар незавершенности, данный нашим пространством, уравнивается даром необычайной целостности, который не дан, но задан нам Промыслом Божиим. В идеале «целостности», по Зеньковскому, заключается одно из главных вдохновений русской философской мысли, когда Истина, Добро и Красота не мыслятся как три отдельные самостоятельные категории, но как одно целое, эстетика не воспринимается без этики, теория без практики.

Это представление, основанное на абсолютной органике себя с пространством, распространилось и на мироощущение: понимание себя в мире, мира в

себе. Вероятно от избыточности пространства и воздуха вовне – ощущается чрезвычайная плотность внутреннего. Так в творчестве – русский художник – чем бы он ни занимался – литературой, музыкой или живописью – непременно обращался к неразрешимой задаче – примирения себя с Даром художественным, с творчеством, этим беспощадно замыкая себя и закрывая себя в себе. В противовес этому – творческий Запад более ориентирован на усилия внешние – примирения своего Дара с миром. Не удивительно, что основные творческие жесты европейцев – активность, направленная вовне – презентация. Эту особенность Запада уловил проживавший там живописец К. Коровин.

Благодаря Дару целостности, в России сложилось особое понимание искусства, которое понималось как божий Дар, предназначение, определяющий и Путь, и Судьбу. Жизнь и творчество художника воспринималось как одно целое, а не две разные сферы. Потому искусство не было светским развлечением, самоценным занятием, как в Европе, а было способом спасения души, которое должно было приуготовить человека к Страшному Суду. Здесь также близка идея, обозначенная в русской философии как философия нестяжательства: сформировался образ художника, неспособного продавать свое искусство. Более естественным они считали – дарить.

Еще одним российским «бременем», сыгравшим не менее значимую роль, чем русские географические пространства, являлся климат. По Ильину, «русскому предназначено судьбою жить в суровой среде. При этом он не знает страха перед природой, он сочувствует ей, он причастен к ее темпераменту и ее ритмам. Он упивается интенсивностью бытия, мощью и красотой природных явлений, вчувствованием в божественную сущность мира, созерцанием хаоса, вглядыванием в первооснову и бездну бытия, откровением Бога в нем. В хаосе он ощущает зов из космоса, мрачная бездна позволяет ему увидеть божественный свет; в безмерном и бесконечном ищет он закон и форму» [7, с.384]. Вот откуда взялась эта русская тяга к полному достижению цели, мечта о последнем и конечном, желание заглянуть в необозримую даль.

Отечественные философы, признавая силу и мощь русской стихии, пытались преодолеть ее, преобразить. Б.П.Вышеславцев считает, что нужно преодолеть центробежные силы страстей и бессознательных стихий, нужно постоянное самопреодоление, постоянная концентрация растекающейся и разбегающейся души [3]. В этом смысле знаково выступает понимание Дара отечествен-

ными художниками – Дар творчества есть испытание, сопровождающееся нередко невероятными усилиями. Здесь состояние «постоянного самоопределения» и концентрации. А соблазны «страстей и бессознательных стихий», уводящих с пути выполнения миссии Дара, понимались в контексте православного сознания как сопротивление греховному.

Чрезвычайно тяжелые условия повседневного существования в России породили удивительно мощную духовность. Бескрайние степи, холод компенсировался теплотой человеческих общинных взаимоотношений. А бескрайняя плоская равнина обостряла устремление человека к небу - к обретению единения с Богом и неким более высоким строем реальности. Русский дух устремлен к последнему и окончательному, к абсолютному во всем. Именно поэтому, понимание Дара всегда с ощущением вертикали: Дар – возвышение, отрешенность от земного. Дар в проекции русского сознания – феномен, в первую очередь, сакральный.

Среди Божьих Даров, предпосланных России, философы отмечали Дар всечеловечности, вселенскости, который был связан с третьим бременем, ниспосланным России. В письме к А.Н.Тургеневу (1835) Чаадаев пишет: «Провидение создало нас слишком великими, чтобы быть эгоистами; что оно поставило нас вне интересов национальностей и поручило нам интересы человечества; что все наши мысли в жизни, науке и искусстве должны отправляться от этого и к этому приходить» [9, с. 240]. Национальный дар не противоречит вселенскому. Наоборот, путь к вселенскому лежит только через национальное. Вселенскость, всечеловечность – особый дар России.

Одним из самых противоречивых даров России, по мнению русских мыслителей, является ее беспочвенность. Антиномичность этого дара состоит в том, что он приобретает разные смыслы в земной и небесной судьбе России. Беспочвенность для земной судьбы ассоциируется с отсталостью, в метафизическом же плане – это благо, дарованное нам свыше. Вот почему Чаадаев пишет: «Никакая сила в мире не заставит нас выйти из того круга идей, на котором построена вся наша история, который составляет всю поэзию нашего существования, который признает лишь право дарованное и отмечает всякую мысль о праве естественном». Воспринимая беспочвенность, отсутствие традиций, «закоренелых предрассудков, старых привычек, упорной рутины» за дар, ниспосланный нам Провидением, Чаадаев именно в этой «безосновности» видит залог вели-

кой судьбы России. «Россия, если только она уразумеет свое призвание, должна принять на себя инициативу проведения всех великодушных мыслей, ибо она не имеет привязанностей, страстей, идей и интересов Европы...» [9, с. 240].

Антиномичность дара беспочвенности нашла отклик и в душе Гоголя, уверенного в том, что отсутствие почвы восполняется открытым небом, поэтому «праздник Светлого Воскресенья воспряднуется прежде у нас, нежели у других народов». Основанием для такой уверенности является не то, что «мы лучше других народов» или «ближе жизнью ко Христу», считает писатель. «Никого мы не лучше, а в жизни еще неустроенней и беспорядочней всех их. Хуже мы всех прочих», – вот что мы должны всегда говорить о себе. Но есть в нашей природе то, что нам пророчит это. Уже самое неустройство наше нам это пророчит. Мы еще растопленный металл, не отлившийся в свою национальную форму; еще нам возможно выбросить, оттолкнуть от себя нам неприличное и внести в себя все, что уже невозможно другим народам, получившим форму и закалившимся в ней. Что есть много в коренной природе нашей, нами позабытой, близкого закону Христа...» [4, с. 287-288].

Кроме природных даров, полученных Россией свыше, от Провидения, был Дар, который русские философы называли «главным, самым существенным даром России, по уточнению Г.П.Федотова, «незаслуженным даром» - это Православие. Флоренский утверждал, что культура рождается из культа, а культ из веры. Дух Православия определял глубинные структуры русской культуры, он пропитал мироощущение и миропонимание русского человека. По И.Ильину, оно дало нам больше всего: «живое желание нравственного совершенства, веру во второстепенность земного и в бессмертие личной души, дар покаяния, искусство страдать и терпеть, неутолимый голод по религиозному осмыслению всей жизни и всего мира сверху донизу; непоколебимую уверенность в возможности и необходимости единения человека с Богом в этой жизни и будущей, искание живых путей к этому единению» [5, с.393]. Все русское искусство, как считает философ, произошло из православной веры, оно «родилось как действие молитвенное; это был акт церковный, духовный; творчество из главного, не забава, а ответственное делание» [6, с.204].

О творческих дарах писали многие отцы раннехристианской Церкви, но наиболее глубокие суждения о творчестве были высказаны св. Григорием Паламой, сумевшем обобщить мистический опыт, накопленный Православием.

Образ Божий в человеке Солунский архиепископ, как и его предшественники, видел, прежде всего, в способности человека творить, но никто до него не придавал ей такого фундаментального значения. Дар творчества не просто дан, он задан человеку. Это есть своеобразное «послушание творчества»: задание творить и создавать нечто новое в отличие от ангелов, не имеющих этого творческого дара и тем самым менее чем люди созданных по образу Создателя.

Солунскому архиепископу принадлежит достаточно смелая мысль о том, что человеческое творчество есть творение из ничего, из бездны хаоса и небытия. Истинное творчество есть абсолютное прибавление к тому, что существует в мироздании. Это космический акт, продолжение божественного творения мира. Но то, что для Бога является естественным и самопроизвольным, у человека требует зачастую высочайшего напряжения духовных и физических сил. «Творчество для человека – это кеносис, самоистощание, это жертва, восхождение на Голгофу» [10, с. 179]. Корни этого понимания – в близости понятий «Дар – жертвоприношение», обозначенных еще в древнейших сакральных практиках. Величайшая заслуга Григория Паламы в том, что он впервые детально исследовал соотношение творчества и благодати (Дара), т.е. дал глубинную интерпретацию самой сути творческого процесса. «Благодать - не «вещь», которую Бог дарует природе либо для восполнения недостатков, либо для оправдания, либо для прибавления тварного сверхъестественного, она есть сама Божественная жизнь», – отмечает Григорий Палама [8, с.226]. Под воздействием благодати (Дара) устанавливаются и движутся согласно природе внутренние силы души и тела. Тогда человек достигает того, что св. Григорий называет «Божественным состоянием», появляющемся в результате синергии - сообразованного согласного действия, соработничества Бога и человека.

П.М.Бицилли в своей знаменитой статье «Трагедия русской культуры» дал предельно парадоксальную и антиномичную характеристику русской культуры: «То, что Россия отстала от Европы в своем развитии и потом должна была наспех догонять Европу, было величайшим несчастьем, поскольку дело идет о Цивилизации; поскольку же дело идет о Культуре, это было величайшим Даром судьбы» [2, с. 361]. Таким образом, отмечено, что уникальность культуры России есть редкостный Дар, разнообразные знаки которого и составляют своеобразие пространства души России.

Библиографический список

1. *Бердяев Н.А.* Судьба России / Н.А.Бердяев. Москва, 1990.
2. *Бицилли П.М.* Трагедия русской культуры / П.М.Бицилли. Москва, 2000.
3. *Вышеславцев Б.П.* Этика преображенного эроса / Б.П.Вышеславцев. Москва, 1994.
4. *Гоголь Н.В.* Сочинения в 5 томах / Н.В.Гоголь. Санкт-Петербург, 1893.
5. *Ильин И.А.* О национальном призвании России / И.А.Ильин // Шубарт В. Европа и душа Востока. Москва, 1997.
6. *Ильин И.А.* О России и русской душе: собрание сочинений в 10т. / И.А.Ильин. Москва, 1996. Т. 6. Кн. 2.
7. *Ильин И.А.* О русской культуре: собрание сочинений в 10 томах / И.А.Ильин. Москва, 1996. Т. 6. Кн. 2.
8. *Мейендорф Иоанн*, протопресвитер. Жизнь и труды святителя Григория Паламы / Мейендорф И. Санкт-Петербург, 1997.
9. *Чаадаев П.Я.* Статьи и письма / П.Я.Чаадаев. Москва, 1989.
10. *Экономцев Иоанн*, игумен. Православие. Византия. Россия / И.Экономцев. Москва, 1992.

М.С. Кочергин

ХАЙ-ТЕК В КУЛЬТУРЕ ПОСТМОДЕРНА

Чтобы понять определение постмодерна, необходимо затронуть определение постиндустриального, а с ним и все стадии социума. Общество имеет три стадии развития: аграрное (до индустриальное), индустриальное и постиндустриальное (информационное общество). Определение постиндустриального общества представляет собой научно-техническую базу и включает в себя постмодерн, как нечто, без чего общество будет не целым. Так наука включает в себя культуру, так же, как и постиндустриальное включает в себя определение постмодерна. Поэтому социокультурную реальность, которая начала формироваться в 60-х годах, принято называть постмодерном. Заметим, что в обоих определениях имеется приставка «пост». Она означает новое общество, которое только формируется. В целом, современное постиндустриальное общество,